

Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в.

Алевтина Васильевна Камитова

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия

Введение. Рассматривается смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма*, которые зафиксированы в письменных источниках конца XIX – начала XX в. Анализ материалов показал, что установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Исследование предпринято с целью приблизиться к определению истинного значения указанных слов на примере обширного материала, выявленного в источниках.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили письменные источники конца XIX – начала XX в., основанные на полевых материалах. Изучение удмуртских слов *осто* и *козма*, зафиксированных в письменных источниках конца XIX – начала XX в., определение их семантического наполнения осуществляются с помощью метода смыслового анализа и соединены с историко-культурным аспектом.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показало исследование, рассматриваемые лексемы в основном осмысливаются в рамках теологической парадигмы и чаще всего встречаются в традиционных молитвах и текстах православного содержания. В статье описываются различные версии семантики слов *осто* и *козма*, приводятся варианты их перевода и объяснения, предложенные зарубежными и российскими учеными, церковными историками. Данные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей. Одни авторы склонны относить их к словам неясной этимологии, другие – выдвигают предположения относительно смыслового контекста.

Заключение. На основе изученных материалов конца XIX – начала XX в. выявлено, что слово *козма* бытует преимущественно в молитвах и заклинаниях. Истинное его значение в настоящее время трудно определить, но в большинстве случаев оно используется в качестве собственного имени либо употребляется в значении «благословить». Слово *осто* выступает в качестве эпитета и применяется главным образом по отношению к Богу.

Ключевые слова: удмуртские слова, письменные документы, смысловое наполнение, значение слова, молитвенная практика

Для цитирования: Камитова А. В. Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 274–286. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.274-286.

Введение

Изучение истории отдельных слов является актуальным направлением не только в удмуртском и российском языкознании, но и в гуманитарной науке в целом. Статья посвящена выявлению смыслового значения удмуртских слов *осто* и *козма*, содержащихся в письменных источниках конца XIX – начала XX в. Анализ материалов показал, что установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Несмотря на множество существующих определений, рассуждений о смысловом значении слов *осто* и *козма*,

указанные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей.

Обзор литературы

Вопрос о смысловом значении слов *осто* и *козма* уже в конце XIX – начале XX в. волновал занимавшихся изучением истории удмуртского народа и его культуры зарубежных и российских исследователей, церковных историков и представителей зарождавшейся удмуртской интеллигенции [1–4 и др.]. В числе работ последних лет, освещающих материал

по истории и смысловой реконструкции удмуртских слов с позиций современной науки, следует назвать статьи Л. М. Ившина [16], В. К. Кельмакова [18; 19], С. А. Максимова [22], Р. Ш. Насибуллина [26] и др. В. К. Кельмаковым подвергнуто детальному анализу слово *козмань* ‘благословить’ [19]. Им подробно описано функционирование данного понятия в письменных документах различного времени и характера. Сделанные в этом направлении объективные выводы могут быть дополнены рядом примеров и некоторыми наблюдениями этнографов и собирателей XIX – начала XX в.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили письменные источники конца XIX – начала XX в., основанные на полевых материалах. Изучение удмуртских слов *осто* и *козма*, зафиксированных в письменных источниках конца XIX – начала XX в., определение их семантического наполнения осуществляются с помощью метода смыслового анализа и соединены с историко-культурным аспектом.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной работе слова *осто* и *козма* неслучайно рассматриваются вместе. На основе выявленных текстовых источников (фольклорно-этнографической, учебно-художественной литературы, словарей и пр.) мы наблюдаем их использование либо как словосочетания (условно), либо в одном контексте. Указанные лексемы в рассмотренных нами материалах осмысливаются преимущественно в рамках теологической парадигмы. Чаще всего они встречаются в традиционных молитвах и текстах православного содержания. Кроме того, слово *осто* зафиксировано фольклористами в ритуальных и свадебных песнях с заклинательными мотивами [11, 87–97, 135–136]. Этнографическая литература конца XIX – начала XX в., а также аудио-, видеоматериалы последних экспедиций располагают большим количеством описаний молений, в которых содержатся интересующие нас слова. Эти лексемы ис-

пользуются в художественной литературе и просто в бытовой речи, где на них накладываются самые различные смысловые значения.

Многими исследователями замечено, что использование слов *осто* и *козма* (или различных вариантов их сочетаний), как правило, прослеживается в молитвах (точнее, в молитвах-прошениях – куриськонах). «“Осто, козма” – обычное выражение в вотских молитвах», – разъяснял М. Елабужский [14, 801]. Ю. Вихман в свое время обратил внимание на то, что «очень часто Инмар произносился в сочетании Козма (смысл утрачен)» (цит. по: [10, 102]). Н. Первухин назвал данные лексемы «однообразной формой возвания, ставящейся почти всегда в начале прошений и именно: Остэ, Инмарэ, Кылдысинэ, Квасьэ воршудэ...» [29, 88]. Исследователь был склонен считать словосочетание *Остэ инмар* «древнеязыческой молитвенной формой» [28, 85–86]. На то, что молитвы в большинстве случаев начинаются с обращения «Остэ, Инмаре Кылдышнэ (или Кыдчине)!, «Остэ, Инвуэ!», указывал и Г. Е. Верещагин [6, 215; 8, 32]. Он полагал, что *остэ* и *осто* являются священными для удмуртов словами [9, 232].

Лексемы *осто* и *козма* могли использоваться не только со словом *Инмар*, но и с другими именованиями божеств. Например, И. В. Васильев делает следующее замечание: «Обращение к Богу в поле – Остэ Инмаре, а в луде – “оминь козма султонь дзечь асаба”. При молении в луде делается оговорка богу луда (керемети): “прости нас (султонь дзечь асаба), может быть позволительная и непозволительная трава попадетя косить. Уже благослови нас косить сам, не смеем без твоего благословения приступить”» [4, 46].

Как утверждает В. К. Кельмаков, глагол *козмань* ‘благословить’ «оказался лексемой с неизвестной этимологией»; впервые письменно он был зафиксирован в 1785 г. в Удмуртско-русском словаре З. Кротова «в форме образованного от него отрицательного причастия козмамътэ ‘непростимый’» [19, 888]. В письменных текстах конца XIX – начала XX в. данный глагол встречается в качестве самостоятельной

единицы: «Он благословил Ноя и сказал ему, что впредь такого потопа не будет; Со Ноез козмаз но вераз солы, табере таче вуэн быттон нокуно уз луынъи шуса»¹; «Ной проснувшись узнал, что сделал Хам, проклял его, а Сима и Иафета благословил. Ной сайкам бераз тодъыз Хамлэсь мар каремзэ но сое каргаз, Симез но Иафетэз козмаз»².

Форма *козма* ‘благослови’ в текстах фольклорно-этнографического характера, учебно-художественной литературе sporadически используется совместно с лексемой *осто*: «Остэ козма воршудэ армись лыктэмь празникедь понна...» [4, 80] ‘Остэ козма мой воршуд, за праздник Акаша, приходящий раз в год...’; «остэ, остэ, Козма... сябась...» [5, 105] ‘остэ, остэ, Козма... за здоровье’; «Остэ, козма, Иньмаре, юртты мьным гырыны но кизыны, шуиз со, удалтыгы, Иньмаре, милемлы юэз»³ ‘Остэ, козма, Инмар, окажи мне помощь в пахоте и сеянии, сказал он, уроди, Инмар, нам хлеба’. Ряд подобных примеров, извлеченных из бытовой речи, произведений фольклора и художественной литературы, приведен В. К. Кельмаковым [19, 892–893].

Слово *Осто* в современных словарях переводится как ‘Боже! Господи!’. В письменных источниках зафиксированы разные фонетические формы (в том числе в диалектной транскрипции) в записи со строчной и/или заглавной буквы: *осто/остэ/остое/östэ*. Слово *козма* также могло быть записано как с прописной, так и со строчной буквы.

Собиратели удмуртского фольклора и этнографы конца XIX – начала XX в., натолкнувшись при полевых записях на незнакомые для них слова *осто* и *козма*, провели научные изыскания по выявлению их значения и предложили свои варианты переводов и объяснений. Например, Б. Г. Гаврилов, один из тех, кто обратил внимание на слово *козма*, пишет о том, что лексему «можно перевести помилуй, спа-

си, благослови, – но истинного значения этого слова никакие вотяки не знают, ни Казанские, ни Вятские»⁴. Н. Г. Первухиным *остэ* было переведено как ‘помилуй/помилуйте (нас)’, сочетание *остэ шуыса* – ‘благословясь’, *козмалэ* – ‘соблагословите’ [29, 96, 114]. И. В. Васильев оставил описание, как «хозяин с особенным восторгом произносит молитвенные слова: “Остэ!” или “Остое!” “киадкут!” Господи! прими в руки, или Господи благослови, благоволи принять в руки» [4, 46], полагая, что слово *Остэ* означает ‘Господи, благослови’ [4, 41].

В двух молитвах, собранных в 1911–1912 гг. С. Т. Перевошиковым в пределах Поломской волости Глазовского уезда, сочетание *Остэ, Иньмаре* в русском варианте оставлено без перевода: «Остэ, (наш) Инмар», «Остэ, Инмар» – с дополнительным использованием в отдельных случаях глагола «благослови» [30]. В молитвах, записанных П. Н. Лупповым во время моления, обращение жреца «Остэ Иньмаре, / Бадзьым чесно иньясы» переведено следующим образом: ‘О боже великий, всевышний’ [20, 94], а обращение «Остэ, вылись Иньмаре, / Бадзьым Иньмаре» – ‘О, вышний бог, / великий Инмар’ [20, 100]. Из примеров можно сделать вывод о том, что переводчик слово *Остэ* перевел риторическим восклицанием ‘О’.

Судя по материалам, установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Известный российский этнограф П. М. Богаевский в «Очерках религиозных представлений вотяков», описывая удмуртские молитвенные воззвания, высказал аналогичную мысль о том, что смысл слов *козма* и *остэ(о)* «в настоящее время вотяками непонятен» [3, 150]. Кроме того, лексеме *осто* исследователь одним из первых дал определение «молитвенного слога» [3, 150].

¹ Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Казань; Елабуга, 1888. С. 179. (Здесь и далее переводы на русский язык по возможности приводятся в соответствии с оригиналами и предполагаются перед ссылкой на источник; подстрочные переводы текстов автора статьи даются в ‘марровских кавычках’ и следуют после ссылки на источник.)

² Там же. С. 180.

³ Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. Казань, 1889. С. 49.

⁴ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 140.

Позднее венгерский лингвист Б. Мункачи в книге “A votják nyelv szótára” («Словарь вотяцкого языка») также отметит, что данное слово, встречающееся в молитвах, забытое, его значение информанты не знают (kozmal – “elavult szó, melynek jelentését közlőim nem ismerik”) (цит. по: [19, 888]).

Немецкий этнограф М. Бух, рассматривающий слово *осто/остэ* в качестве «эпитета, который очень часто прибавляют к богам», предполагает, что его «действительное значение самими вотяками утеряно»⁵ [32, 167]. В качестве вариантов перевода исследователь приводит ‘помилуй’ и ‘сохрани тебя’ [32, 167]. Увлечшись разгадкой непонятого слова, М. Бух ссылается на гипотетическую версию Т. Г. Аминоффа, согласно которой данный эпитет прибавляется «только к божествам мужского рода, таким как Ин, Инву, Инмар, Мукулчин», и «связан с венгерским “iste” (бог) и финским “isä” (отец)» [32, 167].

«Значение слова “Остэ” не выявлено», – пишет и В. Максимов, исследуя образцы языческих молитв, записанных в Глазовском уезде в 1924 г. [21, 74]. В приведенных им русских вариантах молитвенных текстов в переложении К. Герда удмуртское слово *остэ* осталось непереуверенным: «Остэ Инмаре, Кылдысинэ! Остэ мой бог, мой кылдысин! / Остэ, мой бог, мой кылдысин» [21, 74–76]; «Остэ, зеч инмаре, Кылдысинэ! / Остэ зеч инмаре, Кылдысинэ! Остэ, милостивый мой бог, мой кылдысин! / Остэ мой преподобный бог, мой кылдысин / Остэ, преподобный бог, мой кылдысин» [21, 74–75]; «Остэ, остэ инмаре! Остэ, остэ мой бог!» [21, 74]; «Остэ инмаре! Остэ, мой бог!» [21, 76]. Информанты М. Буха слово *Козма* связывали с именем персонажа потустороннего мира: «Когда я, например, спрашивал: кто такой Козма (лесной дух)? – то ответ был следующий: Это Шайтан...» [32, 173]. Далее ученый отмечает: «Соответствует ли бог Козма, который встречается в некоторых моих молитвах и заклинаниях, греческому святому с этим же именем или является местным божеством, я не знаю, однако последнее мне представляется более вероятным. Он,

кажется, считается полевым или лесным богом плохого рода, но наделен значительной силой, ибо нередко упоминается в молитвах и заклинаниях и к нему прибавляют эпитет “осто”, как к верховным божествам Инмару, Инву и т. д.» [32, 174]. Как видим, М. Бух, наверное впервые, относит слово *осто* к разряду образных, художественных определений.

Немецкий исследователь приводит и другие точки зрения коллег на данные слова: «Г-н Аминофф письменно сообщает мне, что Козма не бог, повелительное наклонение глагола козмалэ (благословлять). По этому поводу я могу лишь сказать, что вотяки, которых я спрашивал, мне отвечали: “это какой-то шайтан”. В Малмыжском уезде, как правило, говорят “осто козма”, но, насколько мне известно, “осто” или “остэ” никогда не встречается само по себе, а только как эпитет бога. Гаврилов, прекрасный знаток вотяков и их языка, говорит: “Настоящего значения этого слова вотяк не знает. Вотяки всегда переводят его как “благослови”» [32, 174].

Сходное мнение высказывает Г. Е. Верещагин, связывая слово *Козма* с именем собственным и полагая, что оно называет какое-то древнее божество [5, 106]. Также исследователь отмечает, что «в Глазовском уезде существует слово “козмы”, означающее глагол повелительного наклонения “благослови”, и там же это слово у иных имеет шуточное значение. Хотя глазовские и говорят, что оно в переводе на русский язык значит благослови, но употребление этого слова при слове *остэ*, означающем тоже благослови, вызывает недоумение: действительно ли оно значит благослови? Скорее и вернее это имя древнего и языческого божества, представление о котором связано с огнем» [5, 106].

Н. Н. Блинов, вступая в полемику с Г. Е. Верещагиным, представляет иную точку зрения: «О. Верещагин говорит, что “Осте” означает “благослови”, а слово “козма”, по его предположению, “имя древнего языческого божества”. Все это несправедливо: “Осто козма!” означает “Господи благослови!”» [2, 15]. В дока-

⁵ Здесь и далее перевод исследования М. Буха приводится по изданию: Бух М. Вотяки (Этнологическое исследование) / пер. с нем. А. Н. Маркина. Гельсингфорс, 1882.

зательство верности своего перевода он приводит примеры из «Начатков христианского учения» и учебника В. А. Ислентьева с аналогичным переводом этих «весьма важных слов в культе вотяков» [2, 15]. И если *Осто* и *козма* он определяет как «молитвенные слова», то словосочетание *Осто козма!* – как «молитвенное призывание» [2, 15].

В ряде наблюдений исследователей заметна приписываемая лексеме *остэ* и сочетанию *осто козма* заклинательная функция с ярко выраженной магическо-оберегательной силой. Проговаривание этих слов защищало от воздействия сил мифических существ. Г. Е. Верещагин приводит следующий рассказ: «Палэс мурт с одним большим глазом. Мы страшно перепугались и не знали, что и делать; к счастью, один из нас был смелее и сказал: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдруг Палэс мурт плюнул и ушел...» [6, 32]. М. Елабужский, описывая «встречу» удмурта с персонажем из потустороннего мира, также указывает на сакральную силу произнесенных вслух слов *осто козма*: «Тогда следует разорвать на рубашке завязку (вотяк часто вместо пуговиц пришивает к рубашке веревочки, которыми и завязывает ворот) и сказать: “осто козма!” – ибир упадет на землю» [15]. В данных контекстах слово *остэ* и сочетание *осто козма* воспринимаются как заклинательные формулы. Об их «отгонной» функции также писал М. Елабужский: «При поминовении стариков⁶ запрещается говорить при молитве формулу “осто, козма” (соответственную нашему: Господи, благослови!), которую очень не любят и шайтаны» [13, 109].

Пример использования слов *осто* и *козма* с подобной апотропейной функцией приводит Г. А. Аптиева в описании обряда перед отправлением в путь, в котором говорится о молитвенном хлебе (цельном каравае), раздаваемом старшим из членов семьи всем присутствующим после совершения молитвы. А «когда все поедят означенного хлеба, тот, который едет, берет кусок этого хлеба, кладет его за пазу-

ху, садится за стол, кладет правую руку на стол со словами “остэ козма Иммарэ”, потом встает, подходит к печке и трогает ее правой рукой, после этого уже выходит из избы и отправляется в путь» [1, 119]. Проехав деревню, путешествующий бросает молитвенный хлеб по сторонам, чтобы нечисть не следовала за ним. В этих же целях слова *остэ козма Иммарэ*, по данным Г. А. Аптиева, произносятся в момент удара кнутом по одному из столбов, когда проезжают ворота [1, 119].

Удмуртский свадебный обряд на разных этапах сопровождался произнесением ряда молитв, которые также начинались со слов *Осто Иньмаре*. Так, церемония сватовства предваряется «испрашиванием помощи божьей в молитве»: хозяин дома перед отправлением сватов в путь «берет со стола, покрытого большею частью белой скатертью, приготовленный цельный хлеб с маслом, выходит на двор и, став лицом к полудню, молится, читая приблизительно такую молитву: “Осто Иньмаре, кылдйсь, вордйсь Иньмаре, тазалыктэ, сёллыктэ, тынйсьлыктэ, шум потымон шуддэ-бурддэ, малпам ужмес пумаз вуттыны сёт Иньмаре. Зеч сюрестэ сёт, милемын пумитэ луэм мурт’ёс зеч синьмын, зеч мылкыдо сюлмын мед уськозы. Озы тон милемыз шумпоты. Бадзым Иньмаре, амминь”» [17, 29]. М. Ильиным *Осто Иньмаре* переводится как ‘Господи Боже’: ‘Господи Боже, великий Боже, творящий (заповедывающий) и воспитывающий, здоровье, силу, мир, успех в задуманном нами деле дай, Боже; дай нам хорошую дорогу, чтобы встречающие нас посмотрели на нас добрыми глазами (с добрым сердцем и без зависти), дай хорошее счастье и тем обрадуй нас, Боже, великий Боже, аминь» [17, 29–30]. Удачный сговор закрепляется молитвенной речью: «...старший в доме или отец невесты с другим пожилым мужчиной... выходят на двор. Здесь они, став лицом на юг, в шапке молятся богу, произнося вслух следующую молитву: “Осто Иньмаре, Кылдысине, шуддэ-бурдэ сёт, Кылдысине, куз’яно пинял’ёсмылы зеч улыны, милем-

⁶ Имеются в виду умершие предки, ставшие подобными шайтанам и другим многообразным злым духам.

лы нылпиосынымы жеч улыны...” – Господи Боже, Творец, дай счастье, Творец, чтобы жить нашим молодым хорошо, нам с хорошими сыновьями-дочерьми...» [17, 34–35]. Церемония поедания каши и мяса, приготовленного невесткой, также сопровождается обрядом проведения моления во дворе с прошениями: «Эй Осто, данлыко, Люгыт Иньмаре, ми тонэ Йӧтйськымтэ дун шыдэн-нянен кадыр карыса тодамы ваиськомы. – Благословенный, Светлый Господи, Боже, неприкосновенными яствами мы, почитая тебя, поминаем» [17, 44].

В одном из примеров, приведенных Б. Г. Гавриловым, в сочетании *Осто инмар* также прослеживается охранительный смысл: «Осто инмар живет на небе и охраняет человека от злых духов»⁷. При всем том, что удмурты не понимали значения слов *осто* и *козма*, сохранялась вера в магические возможности данных произнесенных слов, их благодатное воздействие на окружающий мир перед началом работы или после нее, перед сном и началом трапезы. Б. Г. Гаврилов отмечал, что значения слов *осто козма* «вотяки и сами не понимают, но верят, что они не допускают до человека никакого зла»⁸. Исследователи же осмысливают и переводят данные лексемы в значении ‘благословить’.

В качестве иллюстрации приведем ряд примеров использования рассматриваемых слов в разных жизненных практиках, зафиксированных исследователями конца XIX – начала XX в.

Б. Г. Гаврилов пишет о том, что удмурты поминают Бога «при начале каждого дела, отходя ко сну и перед едой со словами “осто козма”»⁹. Подобными наблюдениями делится и Г. Е. Верещагин. Перед началом сенокоса, по его словам, пришедший на покос хозяин говорит: «Остэ, Инмаре!» [6, 216]. Б. Г. Гаврилов также свидетельствует, что удмурты приступают к сенокосу только после произнесения

молитвенных слов во время празднования летнего праздника Казанской иконы Божией Матери: «Осто инмарэ, быдзым инмарэ, жескын потыса, жескын ужатысалыдкэ (Боже осто, великий Боже, дай нам возможность добром выйти (на работу) и добром работать)»¹⁰. Им же опубликован текст молитвы с просьбой хорошего проведения праздника Акашка: «Осто инмарэ, быдзым инмарэ, та јуонэ жескын орчытысалыдкэ, Инмаре, акашка понна бурэ ваиско = боже Осто, великий боже, дай возможность хорошо провести этот праздник, боже ради акашки (светлый праздник) поминаю (тебя)»¹¹.

В букваре В. А. Ислентьева содержится молитвенное обращение к Господу перед началом посевных работ, в котором данные лексемы даются через перечисление: «Остэ, козма, Иньмаре, юртты мыным гырыны но кизыны, шуиз со, удалтыты, Иньмаре, милемлы юэз»¹² ‘Остэ, козма, Господи, помоги мне вспахать и посеять, сказал он, сделай нам так, чтоб, хлеб уродился, Господи’.

По свидетельству Г. Е. Верещагина, рассматриваемые слова используются в молитвах во время обрядовых действий, совершаемых в куале: перед принятием ритуальной пищи произносят «“Я иськэ остэ, Инмаре!” (ну так благослови, Господи!)» [6, 44]; молитву «Остэ Инмаре...» читают «во время возношения хлеба, мяса, пива или кумышки» [6, 94]; «перед принятием мяса говорят: “остэ Инмаре-Кылдысинэ! (благослови Инмар-Кылдысинэ!)”» [6, 49]. Эти слова звучат и после ритуальных действий: «По окончании жертвоприношения, собравшись домой, попы закрывают лица руками и, поклонившись слегка куале, говорят: “остэ, Кылдысинэ! дзьечь уть-ворды” (благослови, Кылдысинэ! Храни, питай)» [6, 44]; «оставляя место молельни, попы и мужики в последний раз говорят, поклонившись слег-

⁷ Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урять-Учинского прихода // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т. 2. С. 83.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. С. 49.

ка ели: “остэ иське, Кылдысинэ! дзэчъ уть-ворды” (остэ, Кылдысин, с благостью храни нас)» [6, 49].

В представленном И. В. Васильевым фрагменте текста демонстрируется функционирование данных слов в утренних молитвах: «Набожные вотяки по сие время, ступая по утрам на землю в первый раз, говорят: “Остэ” – Господи, благослови!» [4, 19]. Современные полевые материалы показывают, что среди удмуртов до сих пор «сохраняется убеждение, что нельзя ложиться спать вечером и вставать утром не благословясь – обязательно стоит воззвать к Богу: “Остэ, Инмаре!”» [27, 644].

У Г. Е. Верещагина имеется описание, в котором слово *остэ* используется в контексте этномедицины. Исследователь пишет о том, что лекарство «велят больным принимать внутрь благословясь, т. е. перед принятием должны говорить: остэ, инмарэ! (Господи благослови!)» [6, 4]; что собранной на закате солнца ивановской травой женщины-лекарки «настаивают кумышку, водку или просто воду и подают больным говоря им: остэ шу!» [6, 70]. В этих примерах вербальные формулы, подобно заклинаниям, обременены лечебно-предохранительной смысловой нагрузкой [11, 68].

Исследователь В. Е. Владыкин выражение «Остэ, Инмаре!» и его краткую форму «Остэ!» называет «универсальными вербальными формулами-оберегами, которые использовали в случае различного рода опасностей во избежание негативных последствий: «Осэти потыкуд “остэ” ке өд шу, висён кутоз (Если при выходе из дому не скажешь “остэ” – “господи”, заболеешь)» [10, 220]. Подобные наблюдения зафиксированы и Б. Мункачи: “Ujin in-vožoaz adžid-kä “óstä!” šu; so kuiäm vedinlän luliz; ad'amilän lulzä baštini jži vetlä” [33, 6] (Уин инвожоез адžид ке, “остэ!” шу: со кулэм вединлэн лулыз, адямилэн лулзэ басытыны озы ветлэ ‘Если

ночью небесные сполохи увидишь, скажи “Остэ!”: это душа умершего колдуна так приходит, чтобы забрать душу человека’). При этом венгерский ученый предполагает, что слово *óstä/ocmä* похоже на русское слово «Господи» [33, 8].

В употреблении лексемы *осто* с другими словами наблюдается расширение его значения, но в рамках исходной смысловой парадигмы. Например, в одной из работ В. Максимова описывается проводимое в святилище-куале богослужение (*Остэ карон*), во время которого готовились молитвенные щи (*остэ карон шыд*) [21, 73]. В Вотско-русском словаре В. Крылова зафиксировано сочетание *Остэ карон* с переводом ‘Благословение’¹³. Словарь Т. К. Борисова этому сочетанию предлагает соответствие ‘молиться’¹⁴.

Н. Первухиным рассматриваемые нами слова приводятся во фразеологическом контексте с приближенным переводом – русским аналогом: «Остэ козма, – сытяньдэ корма. Хоть молитву и читал – а зад чесал. Крестился, крестился – а на первом же шагу и провалился» [28, 68]. В удмуртском варианте устойчивое словосочетание построено на игре слов, звуков и созвучий.

По всей видимости, данные слова вызвали глубокий исследовательский интерес. Например, в специальной программе для сбора сведений по этнографии, включенной в брошюру М. И. Ильина «Изучение вотского края: План работы по этнографии», имеется следующий вопрос: «Что означают изречения: *осто*, *козма*?»¹⁵.

Постепенно лексика языческой духовной культуры стала активным обслуживающим инструментарием для передачи понятий православного миропонимания, столь необходимых при переводе текстов христианского вероучения. При этом в словах *осто* и *козма* сохранялся смысловой разнобой, что можно объяснить и их вариативным значением. В тексте «Начатков христианского учения», приведенном в азбуке на глазовском наречии, слово

¹³ См.: Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. С. 26.

¹⁴ См.: Борисов Т. К. Удмурт кыллокам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. С. 210.

¹⁵ Ильин М. И. Изучение вотского края: (План работы по этнографии). Ижевск, 1926. С. 4.

«благословить» переводится как *козмань*, «благословение» – *козман*¹⁶. Такое же пояснение слову предлагает В. А. Ислентьев: «Козмань – благословлять»¹⁷, закрепляя и подтверждая это примерами: «Прошла зима, наступила весна: запрёт крестьянин лошадку соху и выехал в поле. “Господи, благослови!” сказал он, сняв шапку. Толалтэ ортчиз, вуиз тулыс: кресян валзэ геріэ кыткыз но бустьіэ потъиз. Ызьзызэ басътыз но “Остэ, Иньмаре! юртты мыным гырыны но кизывы, шуиз со»¹⁸; «Пред смертью своею он благословил детей Оисифовых – Манассию и Ефрема. Кулон аяз со азьвыл Юсифлэсь піоссэ Манассіяэз но Ефремез козмаз»¹⁹.

В удмуртском переводе «Наставления христианского святителя Тихона» представлен вариант сочетания *Осто Инмар*: «Коҥ кў ке но коҥ кыче ужын ке но Осто Иңмарде тодад баҥты»²⁰ ‘Всегда и при любом деле помни Господа Бога’, «Иңмарлис курыҥкыса вöҥяҥкыны кулэ – эй Осто Иңмаре јҥеч кары милемлы, эй Осто Иңмаре јурты милемлы, эй Осто Иңмаре вожма милемыз, шўса»²¹ ‘Надо молиться с прошением – эй Господи Боже, благослови нас, эй Господи Боже, помоги нам, эй Господи Боже, храни нас, говоря’. В настоящее время сложно предложить однозначный перевод данных текстов, не имея авторского перевода и не располагая вариантом оригинала, с которого было сделано переложение «Наставления...» на удмуртский язык. Сложно ответить, какой смысл вкладывался в эти слова и сочетания самим переводчиком. *Осто Иңмаре* можно перевести как

‘Господь Бог’, ‘Христос Господь’ либо оставить слово *Осто* без перевода. Возможно, оно могло использоваться в значении собственного имени и в значении эпитета.

Несколько иное осмысление слова *козмаз* представлено в Евангелиях от Иоанна и Луки, в которых оно используется в значении ‘благодать’: «ибо Ты обрела благодать у Бога» – “шэттыдь тонь козмаз инмарь дынинь”²²; «благодать на благодать» – “Козмамзэ но Козмамь”²³.

В переводе «Краткого катихизиса», вошедшего в азбуку на сарапульском наречии, слово «Господь» переводится лексемой *Остэ*: «Молитва Господня» – “Остэ Исусь Христослтнь вэсяськыны дышетэмэзь (Молитва)”²⁴; «посредством молитвы Господней» – “Остэлэнь сіотэмь молитваеныз”²⁵. В. А. Ислентьев использует сочетание *Остэ Иньмаре* при переводе слова «Господь»: «Господи, благослови – Остэ Иньмаре, козма!»²⁶. Такое же обращение встречается в молитвах, опубликованных в Букваре для вотских детей: «Осто Иңмар», «Эй Осто Иңмарэ»²⁷ ‘Осто Господи’, ‘Эй Осто Господи’. И. С. Михеев к сочетанию *Осто Козма* дает следующее разъяснение: «Осто Козма по смыслу значит: Господи благослови, Господи спаси» [23, 2].

В отчете Пермского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1894 г. описывается, как вотяки, созерцая картину из библейского сюжета-притчи «О богатом и Лазаре» после проповеди священника о. Дмитрия Аптрива, тяжело вздыхали и говорили

¹⁶ См.: Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии (по глазовскому). Казань, 1847. С. 35, 36.

¹⁷ Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 149–150.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Угет Святой Тихон дышетем жеҥ кылйо = Наставление христианское Св. Тихона. Казань, 1878. С. 8.

²¹ Јҥеч кылйос. Святой Тихонлэн јҥечлы дышетэм кылйосыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке. Казань, 1891. С. 63.

²² От Луки святое благовествование // СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.

²³ От Иоанна святое благовествование (Юаннлэсь Святой благовѣствованіе) // Там же. Д. 244. Л. 3.

²⁴ Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии (по сарапульскому). Казань, 1847. С. 93.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. С. 84.

²⁷ Букварь для вотских детей. Казань, 1892. С. 9–23.

по-своему: «“Остэ козма батчын Иммарьёс” – Помилуй Великий Бог»²⁸.

Слова *осто* и *козма* сохраняются в живом бытовании в удмуртских говорах. Они зафиксированы в полевых экспедиционных материалах разных лет и разных местностей. Так, в тексте куриськона, записанного в Янаульском районе Республики Башкортостан, имеются следующие слова: «Остэ зугыт тод'ы быззым Инмарэ котыр лас'ан'! (Остэ, Светлый Белый Великий Инмар Всесущий!)» [31, 113]. Рассматриваемые лексемы встречаются и в образцах записей напева моления “Вось нерге гур” («Напев моления»), сделанных в Алнашском районе:

Восьям гинэ, ой, восьёсмы кабыл но медло,
Улоно но азьёсмы, ой, зеч медло.
Ой, осто но каримы, осто каримы,
Кабылэ мед басьтоз выльсы но, ой,

Инмармы.

Проведенное да, ой, нами моление
да благословит (Инмар),
Жизнь наша впредь, ой, да (будет) доброй.
Ой, помолились мы, помолились,
Да благословит (нас за это) Всевышний да,
ой, Инмар²⁹.

Замечание М. Буха относительно специфики бытования слов *осто* и *козма* в текстах заклинаний подтверждается примерами из ритуальных песен календарных обрядов и свадебных песен с мотивами заклинания, выявленных исследователем Т. Г. Владыкиной: «Осто гинэ Иньмаре, козма Иньмаре, / Эн сёты дышмон кайгырлы (Господи да Боже, Великий Боже, / Не выдай врагу-горю)» [11, 93–94]; «Осто гинэ Иньмаре, Козма Иньмаре! / Ой, эн сёты Иньмаре, дышмон малпасьлы (Господи да Боже, Великий Боже! / Не выдай, Боже, зло замышляющим)» [11, 135].

Несмотря на множество существующих определений, рассуждений о смысловом значении слов *осто* и *козма*, данные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей. Одни авторы склонны от-

носить их к словам неясной этимологии, другие – выдвигают предположения относительно смыслового контекста. В редакторских замечаниях в одном из томов собрания сочинений Г. Е. Верещагина по поводу слова *козма* говорится: «Значение этого слова остается невыясненным» [7, 103]. В. Е. Владыкин, исследуя тексты куриськонов, их особые образы-символы, речевые приемы-обороты, пишет о том, что смысл таких, причем весьма важных, опорных слов, как *Козма*, *осто/э*, «вообще уже не удастся удовлетворительно расшифровать, поскольку он давно утрачен» [10, 296].

В. В. Напольских придерживается предположенной Б. Мункачи и М. Расанен этимологии удмуртского слова *остэ* как заимствованного из татарского *өстэ* [25, 236] и предполагает, что изначально слово «имело значение, наиболее близкое к ‘великий’, ‘верховный’, ‘всевышний’» [24, 118]. Ученый склоняется к мнению о деэтимологизированном слове, употребляемом только в экспрессивных выражениях.

Т. Г. Владыкина, опираясь на фольклорные материалы, приходит к выводу, что слова *Осто/Остэ*, *Козма* являются синонимами Бога (Иньмар) [12, 70], и отмечает: «Нанизывание божественных имен при этом может быть равнозначно произнесению имени одного – верховного бога Инмара» [12, 68]. Близка к данной формулировке точка зрения М. Г. Хрущевой, которая *осто* переводит как ‘отче наш’ [31, 137]. И. М. Нуриева называет слово *остэ* «формулой обращения к высшим силам»³⁰. С. Н. Широбокова причисляет сочетание *осто козма* к «производным эмоциональным междометиям»³¹.

Заключение

Таким образом, из материалов конца XIX – начала XX в. нами получены следующие сведения о слове *козма*: 1) это забытая на тот период лексема, истинное значение которой трудно определить;

²⁸ Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1894. Пермь, 1895. С. 31.

²⁹ Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Ижевск, 1992. Вып 1. С. 19.

³⁰ Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... д-ра искусств. Ижевск, 2014. С. 357.

³¹ Широбокова С. Н. Междометия в удмуртском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2013. С. 90.

2) используется в качестве собственного имени; 3) употребляется в качестве глагола «благословить»; 4) бытует преимущественно в молитвах и заклинаниях. Слово *осто* определяется как эпитет, применяемый главным образом по отношению к Богу. В наблюдениях исследователей прослеживается вариативное на-

писание слов *осто* и *козма* со строчной и прописной буквы. Перевод рассматриваемых слов зависел от контекста и авторской воли. Но даже эти фрагментарные и отрывочные свидетельства очень важны и ценны для реконструирования смыслового значения данных лексических единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аптиева Г. А. Религиозные обычаи и поверья вотяков Бирского уезда Уфимской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892. Т. 10, вып. 1. С. 119–120.
2. Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков / свящ. Николай Блинов, д. чл. Императ. Рус. геогр. о-ва, почет. чл. Нижегород. и д. чл. Вят. стат. ком. Вятка: Губ. тип., 1898. 103 с.
3. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков. Гл. 1 // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 116–163.
4. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1906. 88 с.
5. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 200 с. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии; т. 14, вып. 3).
6. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1886. 220 с. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии; т. 14, вып. 2).
7. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1996. Т. 2. 201 с.
8. Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1997. Т. 3, кн. 1. 308 с.
9. Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3, кн. 2, вып. 1. 250 с.
10. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
11. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: пробл. жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 354 с.
12. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
13. Елабужский М. Крепость вотского язычества // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1903. № 3. С. 102–119.
14. Елабужский М. Обряды некрещеных вотяков Елабужского уезда при погребении и поминовении умерших // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1895. № 19. С. 800–805.
15. Елабужский М. Поверия некрещеных вотяков Елабужского уезда о злых духах и колдунах // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 20. С. 650–651.
16. Ившин Л. М. Названия культовых предметов куалы в памятниках ранней удмуртской письменности // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 3. С. 22–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35684916> (дата обращения: 16.03.2022).
17. Ильин М. И. Свадебные обычаи и обряды у вотяков / под ред. Ф. Стрельцова // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 25–69.
18. Кельмаков В. К. К истории одного болгаризма в удмуртском языке и языкознании // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2012. № 2. С. 17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17831505> (дата обращения: 09.09.2022).
19. Кельмаков В. К. К истории одного евангельского термина в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2017. Т. 27, № 6. С. 887–896. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32358456> (дата обращения: 01.11.2022).

20. Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской автономной области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. Вып. 3. С. 81–114.
21. Максимов В. Молитвенный обряд у Глазовских вотяков // Вотяки: Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 73–76.
22. Максимов С. А. От *мегали мера* к *великтэм*: к вопросу о происхождении и функционировании названий Пасхи в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 1. С. 30–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26585953> (дата обращения: 05.06.2022).
23. Михеев И. С. Из религиозной жизни казанских вотяков. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1900. 10 с.
24. Напольских В. В. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. Ижевск, 1997. С. 116–125.
25. Напольских В. В. Комментарий к очерку Г. Е. Верещагина «О древнем происхождении вотяков» // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3, кн. 2, вып. 1. С. 234–237.
26. Насибуллин Р. Ш. Отражение наименований нескошенной прошлогодней травы в удмуртских диалектах и письменных источниках // *Linguistica Uralica*. 2020. Т. 56, № 1. С. 64–71. DOI: 10.3176/lu.2020.1.06.
27. Панина Т. И. Прескрипции о снах и сновидениях в удмуртской традиционной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 4. С. 642–650. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650.
28. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка: Губ. тип., 1888. 104 с.
29. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 3. Следы языческой древности в образцах произведений в устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических) // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888. С. 85–166.
30. Перевошиков С. Т. Вотские молитвы // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 82–83.
31. Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность: моногр. М.: Композитор, 2001. 245 с.
32. Buch M. Die Wotjaken, Eine Ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerei der Finnischen litteraturgesellschaft, 1882. 187 s.
33. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 336 s.

Поступила 22.11.2022; одобрена 20.12.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Камитова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

The semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma* in written sources of the late XIX and early XX centuries

Alevtina V. Kamitova

Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

Introduction. The article deals with the semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma*, which are recorded in written sources of the late XIX and early XX centuries. The analysis of the materials has shown that establishing the exact meaning of these lexemes during that period presented considerable complexity. This research is undertaken with the aim of approaching the determination of the true meanings of the mentioned words, using extensive material found in the sources as examples.

Materials and Methods. The research materials consist of written sources from the late XIX and early XX century, primarily based on fieldwork data. The examination of the Udmurt words *osto* and *kozma* as recorded in written sources from this period is conducted using a semantic analysis method, with a connection to the historical and cultural aspect.

Results and Discussion. It is revealed that the lexemes under consideration are mainly interpreted within the framework of the theological paradigm and are most often found in traditional prayers and in texts of Orthodox content. The article describes various interpretations of the semantics of the words *osto* and *kozma*, providing variants of their translation and explanations proposed by foreign and Russian scholars, as well as church historians. These lexemes continue to remain within the scope of current attention and epy interest of researchers. Some authors are inclined to classify them as words of unclear etymology, while others put forth assumptions regarding their semantic context.

Conclusion. Based on the materials studied at the end of the XIX – beginning of the XX century, the author determined that the word *kozma* exists mainly in prayers and incantations. Its true meaning is currently difficult to determine, but in most cases, it is used as a proper name, or in the meaning of “bless”. The word *osto* is used as an epithet and primarily applied to God.

Keywords: Udmurt words, written documents, semantics, meaning of the word, prayer practice

For citation: Kamitova AV. The semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma* in written sources of the late XIX and early XX centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:274–286. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.274-286.

REFERENCES

1. Aptiev GA. Religious customs and beliefs of the Votyaks of the Birsik district of the Ufa province. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1892;10;1:119–120. (In Russ.)
2. Blinov NN. The pagan cult of the Votyaks. Vyatka; 1898. (In Russ.)
3. Bogaevskii PM. Essays on the religious ideas of the Votyaks. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1890;1:116–163. (In Russ.)
4. Vasil'ev I. Review of pagan rites, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces. Kazan; 1906. (In Russ.)
5. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Saint-Petersburg; 1889;14;3. (In Russ.)
6. Vereshchagin GE. Votyaki of Sosnovsky region. Saint-Petersburg; 1886;14;2. (In Russ.)
7. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Izhevsk; 1996;2. (In Russ.)
8. Vereshchagin GE. Ethnographic essays. Izhevsk; 1997;3;1. (In Russ.)
9. Vereshchagin GE. Ethnographic essays. Izhevsk; 3;2;1. (In Russ.)
10. Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk; 1994. (In Russ.)
11. Vladykina TG. Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics. Izhevsk; 1998. (In Russ.)
12. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Izhevsk; 2018. (In Russ.)
13. Elabuzhskii M. Fortress of Votian paganism. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel*

- neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1903;3:102–119. (In Russ.)
14. Elabuzhskii M. Rituals of unbaptized Votyaks of the Elabuga district during the burial and commemoration of the dead. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1895;19:800–805. (In Russ.)
  15. Elabuzhskii M. Beliefs of unbaptized Votyaks of the Elabuga district about evil spirits and sorcerers. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1894;20:650–651. (In Russ.)
  16. Ivshin LM. Names of cult objects of *kuala* in monuments of early Udmurt writing. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2018;12;3:22–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35684916> (accessed 16.03.2022). (In Russ.)
  17. Il'in MI. Wedding customs and rituals among the Votyaks. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. Izhevsk; 1926;2:25–69. (In Russ.)
  18. Kel'makov VK. On the history of one bulgarianism in Udmurt language and linguistics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2012;2:17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17831505> (accessed 09.09.2022). (In Russ.)
  19. Kel'makov VK. To the history of one Gospel term in Udmurt. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2017;27;6:887–896. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32358456> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)
  20. Luppov PN. From observations of the life of the Udmurts of the Varziyatchinsky region, Votskaya Autonomous Region. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. Izhevsk; 1927;3:81–114. (In Russ.)
  21. Maksimov V. Prayer ceremony at the Glazovskiy Votyaks. *Votiaki: Sbornik po voprosam ekonomiki, byta i kul'tury votiakov* = Votyaks. Collection on economics, life and culture of Votyaks. Moscow; 1926;1:73–76. (In Russ.)
  22. Maksimov SA. From *megali mera* to *velik-tem*: on the question of the origin and functioning of the names of Easter in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;10;1:30–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26585953> (accessed 05.06.2022). (In Russ.)
  23. Mikheev IS. From the religious life of Kazan Votyaks. Kazan; 1900. (In Russ.)
  24. Napol'skikh VV. From Udmurt mythology: etymological studies. *Permistika 4: Permskie iazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii: sb. st.* = Permistics 4: Permian languages and their dialects in synchrony and diachrony. Collection of articles. Izhevsk; 1997:116–125. (In Russ.)
  25. Napol'skikh VV. Commentary on the essay by G. E. Vereshchagin “On the ancient origin of the Votyaks”. *Etnograficheskie ocherki* = Ethnographic essays. Izhevsk; 2000;3;2:234–237. (In Russ.)
  26. Nasibullin RSh. Reflections of the designations for last year's uncut grass in Udmurt dialects and written sources. *Linguistica Uralica*. 2020;56:1:64–71. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2020.1.06.
  27. Panina TI. Beliefs and prohibitions related to sleeping and dreams in the Udmurt traditional culture. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020;14;4:642–650. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650.
  28. Pervukhin N. Sketches of legends and life of foreigners of the Glazov district. Sketch 1. The ancient religion of the Votyaks in its traces in modern legends. Vyatka; 1888. (In Russ.)
  29. Pervukhin N. Sketches of legends and life of foreigners of the Glazov district. Sketch 3. Traces of pagan antiquity in the samples of works in the oral folk poetry of the Votyaks (lyrical and didactic). *Kalendar' Viatskoi gubernii na 1889 god* = Calendar of the Vyatka province for 1889. Vyatka; 1888:85–166. (In Russ.)
  30. Pervoshchikov ST. Votsky prayers. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. 1926;2:82–83. (In Russ.)
  31. Khrushcheva MG. Udmurt ritual song. Moscow; 2001. (In Russ.)
  32. Buch M. Die Wotjaken, Eine Ethnologische Studie. Helsingfors; 1882.
  33. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest; 1887.

Submitted 22.11.2022; reviewing 20.12.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Kamitova – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Philological Research, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>